

I Am Providence
The Life and Times of
H. P. LOVECRAFT

S. T. JOSHI

Volume 2

Hippocampus Press
New York

ЛАВКРАФТ

Я – ПРОВИДЕНС

С.Т. ДЖОШИ

Книга 2

fanzon

Москва
2023

УДК 821.111.09(73)
ББК 83.3(7Coe)-8
Д42

S. T. Joshi
I Am Providence:
The Life and Times of H. P. Lovecraft
Volume 2

Copyright © 2013 by S. T. Joshi,
as published by Hippocampus Press, New York, USA

Перевод Школы перевода *В. Баканова*

Составитель серии *Григорий Батанов*

Оформление *Елены Куликовой*

Перевод с английского *Марины Стрепетовой* (главы 16–22)
и *Михаила Вострикова* (главы 23–26, примечания)

Джоши, С.Т.

Д42 Лавкрафт. Я — Провиденс. Книга 2 / С.Т. Джоши ; [перевод с английского М. Стрепетовой, М. Вострикова]. — Москва : Эксмо, 2023. — 704 с.

ISBN 978-5-04-162032-5

Говард Филлипс Лавкрафт прожил всего 46 лет, но оставил после себя неопределимый вклад в современную культуру. Его жизнь была полна противоречий, взлетов и падений. Теперь она детально исследована ведущим мировым авторитетом С. Т. Джоши, который подготовил окончательную биографию Лавкрафта — расширенную и обновленную версию книги, которая стала лауреатом премии Брэма Стокера и Британской премии фэнтези. В ней вы найдете бесчисленные подробности творчества Лавкрафта, ранее не опубликованные, а также новую информацию из архивов, которая была обнаружена за последние 15 лет, в течение которых Джоши и работал над книгой. Это последнее слово в науке о Лавкрафте — человеке, писателе и мыслителе, опередившем свое время и фактически создавшем новый литературный жанр.

«Книга 2» охватывает период с 1925 по 2010 год.

УДК 821.111.09(73)
ББК 83.3(7Coe)-8

ISBN 978-5-04-162032-5

© М. Стрепетова, М. Востриков, перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Аббревиатуры	6
16. Натиск Хаоса (1925–1926)	7
17. Возвращенный Рай (1926)	77
18. Вселенская Отдаленность (1927–1928)	131
19. Веерные Окошки и Георгианские Башни 197 (1928–1930)	197
20. Несверхъестественное Космическое Искусство (1930–1931)	279
21. Интеллектуальная Жажда (1931–1933)	339
22. Моим Собственным Почерком (1933–1935)	397
23. На Страже Цивилизации (1929–1937)	461
24. Страх Остаться Без Куска Хлеба (1935–1936)	509
25. Низвержение в Вечность (1936–1937)	545
26. Не Предан Праху и Забвению (1937–2010)	581
Примечания	635
Предметно-Именной Указатель	671

АББРЕВИАТУРЫ

- А. Д. — Август Дерлет
Э. Э. П. Г. — Энни Э. П. Гэмвелл
К. Э. С. — Кларк Эштон Смит
Д. У. — Дональд Уондри
Э. Х. П. — Э. Хоффман Прайс
Ф. Б. Л. — Фрэнк Белнэп Лонг
Д. Ф. М. — Джеймс Ф. Мортон
Д. В. Ш. — Дж. Вернон Ши
Л. Д. К. — Лиллиан Д. Кларк
М. У. М. — Морис У. Моу
Р. И. Г. — Роберт И. Говард
Р. Х. Б. — Р. Х. Барлоу
Р. К. — Рейнхард Кляйнер
СК — «Склеп Ктулху»
ИЛ — «Исследования Лавкрафта»
- ИАХ — письма Лавкрафта в издании «Аркхэм-хаус»
БДХ — Библиотека Джона Хэя в кампусе Брауновского университета

16. Натиск Хаоса (1925–1926)

«31 декабря 1924 года я устроился в просторной комнате с приятными пропорциями в доме номер 169 по Клинтон-стрит, что на углу улицы Стейт, в районе Бруклин-Хайтс, близ Боро-Холл. Дом был построен в эпоху раннего викторианства: отделка из беленого дерева, высокие окна с широкими подоконниками, на которых можно сидеть, и две ниши с портьерами, создающие истинную атмосферу библиотеки. В целом — замечательное уединенное жилище для старомодного человека, к тому же с прекрасным видом на старинные кирпичные дома на улицах Стейт и Клинтон»¹.

С этой записи начинается одно из самых необычных сочинений Лавкрафта — его «Дневник» за 1925 год. Вы спросите, почему этот документ, такой важный для понимания переломного года в жизни писателя, опубликовали совсем недавно (в пятом томе «Избранных эссе», 2006), тогда как все остальные его сочинения, которые только удалось наскрести, за исключением личных писем, появлялись в печати независимо от их качества и важности? Возможно, причиной тому заурядное назначение дневника, который не обладал литературной ценностью дневников Сэмюэла Пипса или Джона Ивлина, а создавался с совершенно иной целью — в качестве мнемонической памятки. Лавкрафт вел записи в ежедневнике за 1925 год размером около 2,5 × 5,25 дюйма (около 6,35 × 13,3 см), в котором на каждый день выделялось не более четырех строк. Говард не соблюдал ограничения формата (он терпеть не мог линованную бумагу), и среди его заметок так много зашифрованных фраз и аббревиатур, что некоторые из них я до сих пор не могу разобрать. Вот, к примеру, запись от 16 января:

«Проводил СХ — купить стол СЛ Подготовить комнату СЛ — поездки туда и обратно — найти СЛ и РК в 169 — приезжают МакН и ГК, разговор переместился в кафетерий к удивлению СЛ — разошлись в 2 ночи — ГК МакН и ГФЛ на метро — ГФ и ГК на Сент-Ток, 106 — спать».

Не самое увлекательное чтение, верно? Впрочем, дневник велся чисто с практической целью, а именно помогал Лавкрафту составлять письма к Лиллиан. Данный обычай появился еще несколько лет назад, когда в конце лета 1922 года Лавкрафт гостил в Нью-Йорке и посреди длинного послания к тетушке вдруг написал: «Это одновременно письмо и дневник!»² Позже стало ясно, что он вел подобного рода заметки во время всех своих поездок, однако ни один из других дневников обнаружить не удалось. Быть может, существуют записи и за 1924 год — они помогли бы пролить свет на многие неоднозначности того периода.

С помощью дневника за 1925 год можно буквально проследить за жизнью Лавкрафта день за днем, правда, занятие это будет практически бессмысленным. Да, некоторые его письма к тетушкам Энни и Лиллиан, в которых краткие заметки из дневника превращались в детальные описания, пропали, и нам осталось судить о его повседневной жизни лишь по наброскам. Только вот нас больше всего интересуют не действия и занятия, а общая картина существования Лавкрафта. В то время он впервые зажил один, без своих кровных родных и без супруги. Конечно, не стоит забывать о друзьях, тем более что на 1925 год пришелся расцвет Клуба Калем, члены которого мелькали в скромных квартирках друг друга, будто жили одной литературной общиной. Тем не менее никогда прежде Лавкрафту не приходилось проявлять столько самостоятельности, а именно: самому готовить еду, заниматься стиркой, покупать одежду и выполнять прочие повседневные обязанности, составляющие привычный порядок вещей для большинства людей.

Позже Лавкрафт признавался, что жилье на Клинтон-стрит, 169, выбрал «с помощью тети»³. Поиском они наверняка занимались в декабре, когда Лиллиан приехала к нему на длительный срок; еще Лавкрафт упоминал, что в том же месяце вместе с тетушкой ездил в Элизабет⁴ — чудесный городок в штате Нью-Джерси, который, судя по всему, тоже рассматривался в качестве возможного места жительства, однако он все же предпочел остаться поближе к Манхэттену. Ему приглянулась квартира на первом этаже, тем более что благодаря наличию двух отгороженных ниш для переодевания и для купания в ней можно было сохранить рабочую атмосферу, как в кабинете. План комнаты Лавкрафт набросал в письме к Морису Моу⁵ (см. схему 1 на вкладке).

Неудивительно, что все пространство вдоль двух стен заняли книжные шкафы, но даже несмотря на это, многие книги не уместились в квартире и были отданы на хранение. В квартире не имелось никакого кухонного оборудования. Впрочем, Лавкрафт изо всех сил старался поддерживать порядок и даже сообщал Лиллиан, что на домашние дела уходит не так уж много времени: «Раз в три дня я вытираю пыль, раз в неделю подметаю, а питаюсь так просто, что мыть приходится либо всего одну тарелку, либо чашку с блюдцем и пару приборов»⁶. Расстраивало его лишь одно, да и то поначалу: район считался неблагополучным, однако нужда, как говорится, всему научит. За сорок долларов в месяц это был очень неплохой вариант, к тому же Соня могла ночевать здесь во время своих нечастых наездов в Нью-Йорк — диван в комнате раскладывался в двуспальную кровать. В отсутствие Сони Лавкрафт почти все время держал его собраным, а иногда и вовсе дремал в кресле с откидной спинкой.

Интересно, что за последние тридцать-сорок лет благодаря программе облагораживания район Бруклин-Хайтс стал одним из самых востребованных (и дорогих) в Бруклине, тогда как в прежде роскошном Флэтбуше, где на Парксайд-авеню, 259, раньше жила Соня, ситуация заметно ухудшилась, и улица Флэтбуш-авеню превратилась в пристанище кричащих дисконт-магазинов. Другими словами, социально-экономический статус двух районов Бруклина, в которых успел пожить Лавкрафт, изменился с точностью до наоборот. Впрочем, с Клинтон-стрит по-прежнему легко добраться до Манхэттена на метро, поскольку она ближе к деловому центру города, чем Парксайд-авеню, расположенная по другую сторону Проспект-парка. Всего в паре кварталов от Клинтон-стрит находится Боро Холл, здание администрации Бруклина, и транспортный узел, через который проходят две линии метро, Ай-ар-ти (маршруты 2, 3, 4, 5) и Би-эм-ти (маршруты M, N, R), а поезд F (Ай-эн-ди) останавливался неподалеку на Берген-стрит. Большинство из этих линий действовали еще при жизни Лавкрафта, так что он мог без проблем добраться домой из Манхэттена в любое время дня и ночи — это было удобно в связи с его частыми ночными прогулками с «бандой».

Для начала давайте рассмотрим вопрос о том, насколько одинокой была жизнь Лавкрафта в 1925 году. Работая в универмаге «Мэйбли энд Кэрю» в Цинциннати, Соня раз в месяц приезжа-

ла в Нью-Йорк на несколько дней, однако уже в конце февраля она либо ушла с этой должности сама, либо ее уволили. «...Хотя с момента последнего визита ее здоровье заметно улучшилось, суровая и враждебная атмосфера в „Мэйбли энд Кэрю“ все-таки стала для СХ невыносимой, и придирчивое руководство вместе с завистливыми подчиненными практически вытеснило ее с работы»⁷, — писал Лавкрафт тете Энни. В других источниках он отмечает, что Соня два раза ненадолго попадала в частную больницу в Цинциннати⁸. Итак, в феврале Соня вернулась в Бруклин и решила наконец-то, пусть с запозданием, устроить себе шестинедельный отдых, рекомендованный докторами. С конца марта до начала июня она почти все время проводила у женщины-врача в Саратога-Спрингс на севере штата Нью-Йорк, и в апреле Лавкрафт, как ни странно, рассказывает, что у нее там был «ребенок под присмотром»⁹, намекая на работу в качестве няни. Возможно, Соне предложили это место в обмен на бесплатное проживание, так как речь однозначно идет о чьем-то частном доме, а не о санатории. В мае Лавкрафт писал Лиллиан: «В Саратоге все хорошо, и хотя ее недавняя затея с шляпным делом провалилась, она ищет другие варианты получше...»¹⁰ О каком именно деле здесь говорится, нам не известно.

В июне и июле Соня вновь надолго оставалась в Бруклине. В середине июля она нашла какую-то работу в магазине головных уборов или универмаге в Кливленде, куда уехала двадцать четвертого числа. Жилье она нашла в пансионе на Восточной 81-й улице, 2030, за сорок пять долларов в месяц¹¹. В конце августа Соня переселилась на Восточную 86-ю улицу, 1912¹². Как бы то ни было, к середине октября она снова осталась без работы. «Проблема с новой должностью заключалась в том, что оплату начисляли на комиссионной основе, поэтому в мертвый сезон она трудилась почти за бесплатно»¹³, — сообщал Лавкрафт. К середине ноября, а может, немного раньше, Соня нашла другое место, на этот раз в «Халле», крупнейшем на тот момент (и вплоть до закрытия в 1982 году) универмаге Кливленда¹⁴. Там она проработала в течение 1925-го и большей части 1926 года.

За 1925 год Соня приезжала в Нью-Йорк девять раз и пробыла в квартире на Клинтон-стрит, 169, всего восемьдесят девять дней, а именно:

с 11 по 16 января
с 3 по 6 февраля
с 23 февраля по 19 марта
с 8 по 11 апреля
со 2 по 5 мая
с 9 июня по 24 июля
с 15 по 20 августа
с 16 по 17 сентября
с 16 по 18 октября.

Хотела она приехать и на рождественские праздники, но, по всей вероятности, была сильно загружена работой в «Халле». За три с половиной месяца, что Лавкрафт прожил в Бруклине в 1926 году, Соня провела с ним от силы три недели, примерно с пятнадцатого января по пятое февраля. В общем и целом, из пятнадцати с половиной месяцев жизни Лавкрафта в квартире на Клинтон-стрит, 169, в 1925–1926 годах на долю Сони пришлось чуть более трех месяцев. Бывала она там чаще всего лишь наездами, а дольше всего, на шесть недель, оставалась в июне и июле.

Если у Сони ситуация с трудоустройством в этот период была переменчивой, то у Лавкрафта — и вовсе безнадежной. В «Дневнике» за 1925 год и в переписке с Лиллиан за 1925–1926 годы он лишь трижды упоминает о том, что просматривал объявления с вакансиями в «Сандей таймс» (в марте, июле и сентябре), но и из них ничего толкового не вышло. Пока Соня фактически отсутствовала, Лавкрафт перестал активно искать работу. Не знаю, стоит ли его за это критиковать, ведь многие люди, которые долго не могут никуда устроиться, со временем теряют надежду. В 1924 году Лавкрафт занимался поисками очень старательно и целеустремленно, хотя был неопытен в этом деле и временами действовал неумело.

В 1925 году он по большей части пытался устроиться на работу по советам друзей. Самым перспективным вариантом казалась внештатная должность в отраслевом журнале, изданием которого занимались Артур Лидс и еще один человек по фамилии Йесли. Вот как в конце мая Лавкрафт описывал этот проект Лиллиан:

«Работа в учреждении этого Йесли простая: нужно просто сочинять хвалебные материалы с описанием выдающихся коммерческих предприятий или известных личностей в сфере торговли. Ка-

ждая статья должна быть объемом в полторы печатных страницы или страницу с четвертью с двойным интервалом. Факты — или так называемые «наводки» — для статьи они предоставляют сами из газетных сообщений или рекламных материалов... Готовую статью необходимо отправить в редакцию, и если все в порядке, специальный торговый агент относит ее человеку или компании, о которых в ней и рассказывается. Заинтересованной стороне дают возможность проверить материал, после чего агент предлагает заказать — в качестве рекламы — некое количество журналов, в которых статья будет напечатана. Если все сложится хорошо (что, на удивление, происходит в подавляющем числе случаев, так как торговые агенты здесь — настоящие профессионалы), то автор статьи получает десять процентов от уплаченной суммы, то есть от полутора до тридцати долларов в зависимости от заказа»¹⁵.

Не самое подходящее занятие для Лавкрафта, однако от него требовалась лишь способность легко сочинять статьи, а это он умел. Трудно представить, чтобы Говард писал рекламные тексты, однако среди его бумаг сохранилось пять статей подобного рода (видимо, неопубликованных): «Красота хрусталя» (о компании «Корнинг гласс воркс» из Корнинга, штат Нью-Йорк, производящей «стубенское стекло»), «Очарование изящной древесины» (о группе мебельных компаний «Кертис» из Клифтона, штат Айова), «Часы с характером» (о напольных часах от «Колониальной производственной компании» из Зиленда, штат Мичиган), «Истинное колониальное наследие» (о мебели под брендом «Данерск» производства корпорации «Эрскин-Данфорт» в Нью-Йорке) и «Настоящий приют литературы» (о книжном магазине «Александр Гамильтон» в Патерсоне, штат Нью-Джерси). Р. Х. Барлоу дал им общее название «Коммерческие рекламки». Приведем небольшой отрывок из одной статьи:

«В „Кертис вудворк“ вы найдете и привычные конструктивные элементы, и хитрые приспособления вроде встроенной или долговечной мебели, включая книжные шкафы, комоды, буфеты и стенные шкафчики. Каждая разработанная и созданная модель — это чистое искусство, зрелое мастерство и истинное умение, которым славится наше энергичное предприятие. Мебель подбирается строго под стиль каждого дома. Учитывая высокое качество, мы

предлагаем на удивление низкие цены. Во избежание подделок ищите торговую марку на всех предметах мебели нашего производства».

Стиль рекламных текстов тех времен сильно отличался от нынешнего, особенно когда речь заходила о товарах, которые приходилось описывать Лавкрафту, так что к его текстам вполне ожидаемо отнеслись с презрением, как и к его письму 1924 года с просьбой о приеме на работу. Впрочем, многие из этих фирм явно взывали к псевдоаристократическим вкусам среднего класса, и возвышенный стиль Лавкрафта им как раз бы подошел.

К сожалению, дело не выгорело, и вины Лавкрафта в том не было. К концу июля он уже сообщал о трудностях с проектом, который, судя по всему, вскоре окончательно провалился, потому что Говард больше о нем не упоминал. По словам Лавкрафта, и ему, и Лонгу (который вместе с Лавмэном тоже попытался работать внештатно на комиссионной основе) обещали заплатить за статьи, но денег они, скорее всего, не получили.

В феврале Мортон устроился в Музей Патерсона, где и проработал до конца жизни. В середине июля Лавкрафт упоминал о том, что Мортон может взять его к себе ассистентом, однако вплоть до отъезда Говарда из Нью-Йорка в апреле 1926 года эта призрачная возможность так и не реализовалась. И дело было вовсе не в том, что Лавкрафту не хватало знаний в области естествознания — Мортону и самому пришлось многое освежить в памяти, чтобы сдать экзамен на эту должность, — просто на тот момент члены правления были не в состоянии расширять штат служащих. Музей тогда располагался в конюшне неподалеку от библиотеки, и члены правления с нетерпением ждали, когда же скончается престарелый обитатель соседнего с конюшной дома, чтобы снести оба здания и построить на их месте новый музей. До разрешения вопроса они даже не думали о найме новых сотрудников, а до отъезда Лавкрафта его так и не решили. Впрочем, посетив музей в конце августа, он уже не так сильно жалел о промедлении.

Кое-какие деньги Лавкрафт, конечно, получал от журнала *Weird Tales*, где в 1925 году опубликовали пять его рассказов, а также вычитанный им рассказ К. М. Эдди «Глухой, немой и слепой» (апрель), за который ему, вероятно, ничего не заплати-

ли. Нам известно, какие суммы ему выплатили за три из этих пяти рассказов: тридцать пять долларов за «Праздник» (январь), двадцать пять долларов за «Неименуемое» (июль) и пятьдесят долларов за «Храм» (сентябрь). Сколько он получил за другие две истории — «Показания Рэндольфа Картера» (февраль) и «Музыка Эриха Занна» (май), точно сказать нельзя, но, вероятно, тридцать долларов за каждый. Естественно, все эти рассказы он написал несколькими годами раньше, а в журнал отправил в конце 1924 или начале 1925 года. Гонорар за пять историй составил примерно сто семьдесят долларов — этой суммы едва хватило бы на четыре месяца аренды квартиры.

Где же Лавкрафт брал средства на все остальное — еду, прачечную, скромные разъезды, одежду, бытовые товары и еще восемь месяцев платы за квартиру? Очевидно, ему помогала Соня, да и тетушки поддерживали по мере возможности. Правда, в письме к Сэмюэлу Лавмэну Соня с горечью поднимает эту тему:

«Когда мы жили на Парксайд-авеню, 259, тетушки присылали ему по пять долларов в неделю. Они думали, что я буду его содержать. После переезда на Клинтон-стрит они стали слать по пятнадцать долларов в неделю. Аренда обходилась в сорок долларов в месяц. На еду, проезд, стирку и письменные принадлежности уходило более пяти долларов в неделю. Все, что было «сверх того», давала ему я. А когда раз в две недели я приезжала в город делать закупки для фирмы, я оплачивала все его повседневные расходы и развлечения. Уезжая, всегда оставляла ему щедрую сумму...»¹⁶

Похожий отрывок можно встретить и в ее мемуарах. Написан он был не только для того (как в открытую заявляет Соня), чтобы поправить слова У. Пола Кука («Не имея практически никакого дохода, он выделял не более двадцати центов в день на еду — да и те обычно тратил на марки»¹⁷), но и чтобы посмертно упрекнуть тетушек Лавкрафта за то, что мало помогали ему в финансовом плане. И все же сама Соня тоже немного преувеличивает. В декабре 1924 года Лавкрафт просил у Энни Гэмвелл (и получил) семьдесят пять долларов на текущие расходы, в том числе на переезд¹⁸, и, судя по его письму, с такой просьбой он обращался к тетушкам не в первый раз. В письме к Энни (конец февраля) упоминаются «как всегда полученные вовремя чеки»¹⁹, значит, если

она и не сама зарабатывала эти деньги, то, возможно, выделяла их и Лавкрафту, и Лиллиан с их семейного счета. Пока весной Соня жила в Саратога-Спрингс, Лавкрафт сообщил Лиллиан, что «она, естественно, не может сейчас вносить свою изначально оговоренную долю аренды», хотя супруга все равно по возможности присылала ему немного денег, от двух до пяти долларов²⁰. Лавкрафт часто подтверждал получение денег от Лиллиан (без указания суммы), а Энни оплачивала его ежедневную подписку на *Providence Evening Bulletin*. Другими словами, тетушки вносили свой вклад в его содержание, однако львиную долю трат Лавкрафта все равно брала на себя Соня.

О какой именно сумме идет речь? Аренда обходилась в сорок долларов, но в октябре хозяйка, миссис Бернс, заявила Лавкрафту, что теперь жильцы будут платить по десять долларов в неделю, то есть примерно на три доллара в месяц больше. Если считать, что новый тариф вступил в силу с первого ноября, то за год аренды Лавкрафт отдал четыреста девяносто долларов. На еду (и, вероятно, другие расходы), как он тогда утверждал, уходило примерно пять долларов в неделю²¹ — или двести шестьдесят долларов в год. Добавим хотя бы двадцать долларов в неделю на дополнительные траты (двести сорок в год), и общая сумма составит девятьсот девяносто долларов за весь год, из которых сам Лавкрафт заплатил не более двухсот пятидесяти (сто семьдесят он получил от *Weird Tales* и еще семьдесят четыре доллара шестнадцать центов — от Мариано де Магистриса, управлявшего карьером). Получается, оставшиеся семьсот пятьдесят долларов оплатили Соня и его тетушки. Сомневаюсь, что Лиллиан и Энни могли выделять ему по пятнадцать долларов в неделю, иначе Лавкрафту не пришлось бы экономить. Поскольку Соня была в разъездах, она не могла точно знать, сколько денег он получает. При этом тетушки Лавкрафта и сами жили только на наследство Уишпа Филлипса, так что, полагаю, Соня не совсем справедливо упрекает их в недостатке щедрости.

В отсутствие оплачиваемой работы у Лавкрафта оставалось много времени на общение с друзьями. На 1925 год пришелся настоящий расцвет Клуба Калем. Лавкрафт тесно общался с Кирком, который стал хозяином книжного магазина, но работал по гибкому графику и поэтому мог составить приятную компанию ночью.